

РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ В 30-х — 80-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Д. Исмаил-Заде

Переселение крестьян из внутренних губерний России на окраины страны относится к числу актуальных вопросов отечественной истории XIX века. Переселенческое движение было связано с развитием капитализма вширь, оно оказывало влияние на социально-экономические отношения не только на окраинах, но и в метрополии. В то же время крестьянская колонизация способствовала усилению связей русского народа с местным населением, что привело в дальнейшем к складыванию единого интернационального фронта классово-борьбы против эксплуататоров.

Однако если современная историография располагает значительным количеством работ по истории переселений в такие районы, как Предкавказье, Сибирь, Средняя Азия и Казахстан¹, то применительно к Закавказью данный вопрос остается пока не исследованным. В качестве исключения могут быть названы работы, в которых о первых русских переселенцах в Закавказье (а в 30-е—80-е годы XIX в. основной контингент их составили сосланные туда крестьяне—раскольники и сектанты) говорится в связи с изучением истории религиозного сектантства. Так, в книге А. И. Клибанова в главах, посвященных сектам духовоборов и молокан, определенное место отведено экономическому развитию и социальным противоречиям в духовоборческих и молоканских поселениях Закавказья в XIX—начале XX века. В аналогичном аспекте, но на более локальном материале написана работа З. И. Поракишвили. Сведения о русских переселенцах в Грузии и Армении в первой половине XIX в. содержатся и в книгах И. Г. Антелавы и В. А. Парсамяна. Можно упомянуть также статью Г. А. Оруджева, содержащую перечень русских поселений на территории Азербайджана².

Что касается историографии досоветской, то и здесь трудно указать работу, которую можно было бы отнести к числу специальных исследо-

¹ См. А. В. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М. 1957; Л. Ф. Скляр-ов. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. 1962; В. А. Степ-ынин. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск. 1962; С. А. Че-к-менев. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в XVIII и в первой половине XIX в. Пятигорск. 1967; «Казахстан в канун Октября». Алма-Ата. 1968; К. П. Те-н. Русское население Средней Азии во второй половине XIX—начале XX в. «История СССР», 1970, № 4; А. А. Ша-ц-кий. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861—1905 гг. «Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной Рос-сии». Ставрополь. 1970; Н. Н. Ка-но-да. Переселенческие поселки в Закаспийской области (конец XIX—начало XX в.). Ашхабад. 1973.

² А. И. Кли-ба-нов. История религиозного сектантства в России. М. 1965; И. Г. Ан-те-ла-ва. Государственные крестьяне Грузии в XIX веке. Т. I. До крестьянской реформы 1864 г. Тбилиси. 1969, стр. 19—20; Г. А. Ору-д-же-в. К истории образования русских поселений в Азербайджане. «Известия» АН АЗССР. Серия истории, фило-со-фии и права. 1969, № 2; З. И. По-ра-ки-ш-ви-ли. Духоборы в Грузии. Тбилиси. 1970; В. А. Пар-са-мян. История армянского народа. 1801—1900 гг. Кн. I. Ереван. 1972, стр. 109—110.

ваний по истории переселения русских крестьян в пределы Закавказья, хотя в дореволюционной литературе и встречались сведения о закавказском направлении переселений. Но это относилось главным образом к тому периоду в переселенческом движении (с конца XIX в. и особенно в годы столыпинской аграрной реформы), когда оно приобрело широкий размах и в общественных кругах назрела потребность осмыслить данное явление³.

Первые отклики на появление переселенцев в Закавказье содержались в периодической печати в виде серии статей-обзоров об их поселениях: наименовании, расположении, примерной численности жителей, некоторых чертах их быта и т. п.⁴ Следует также отметить статьи секретаря елисаветпольского губернского статистического комитета, основанные на личных наблюдениях и содержащие добротный фактический материал⁵. Особую группу составляют очерки и статьи, в которых история возникновения русских поселений в Закавказье трактуется в шовинистически-русификаторском духе⁶. Эти работы могут быть использованы при условии критического анализа приводимого в них материала.

В свете сказанного понятно, какая огромная роль принадлежит различного рода источникам об истории первых русских поселений в Закавказье. Отметим следующие их группы: во-первых, документальные материалы, опубликованные в Актах, собранных Кавказской археографической комиссией (под ред. А. Берже), содержащие сведения о районах расселения, численности переселенцев, а также правительственных мероприятиях по отношению к ним; во-вторых, материалы законодательного характера, позволяющие проследить эволюцию политики самодержавия по определению статуса раскольников и сектантов в Закавказском крае; в-третьих, статистико-демографические материалы, камеральные описания, списки населенных мест и т. п., собранные как местной администрацией, так и правительственными ведомствами (министерство государственных имуществ и др.); в-четвертых, архивные документы, отразившие разнообразные моменты хозяйственной, социально-экономической и политической истории переселенцев. Из всех этих материалов здесь следовало бы выделить отчет М. П. Позена «О русском населении Закавказья» (в котором приводятся данные о численности русских в Закавказье, их контингенте), а также ряд документов, находящихся в ЦГИА СССР, ЦГИА Азербайджанской и Грузинской ССР.

В настоящей статье ставится задача осветить начальный этап переселения русских в губернии Закавказья, определить их численность и места размещения, а также раскрыть сущность переселенческой политики царизма в этом крае в 30-х—80-х годах XIX века.

Указанные хронологические рамки выбраны не случайно. К 30-м годам относится появление первых русских переселенцев в Закавказье, когда царизм превратил этот край в один из основных районов, куда ссылались крестьяне-раскольники и сектанты. Однако политика самодержавия в вопросе переселения русских в Закавказье в дальнейшем претерпела значительную трансформацию. В 80-х годах XIX в., когда

³ См., например, работы А. А. Кауфмана: «Переселение и колонизация». СПб. 1905; «Переселение и его роль в аграрной программе» («Аграрный вопрос». М. 1905), «Русская община в процессе ее зарождения и роста». М. 1908, и др. Исчерпывающую характеристику взглядам А. А. Кауфмана на переселенческий вопрос дал В. И. Ленин (см. В. И. Ленин. ПСС. Т. 16, стр. 224, 226—227, 229, 336, 405).

⁴ «О русских переселенцах в Закавказском крае». Газета «Кавказ», 1850, № 32; Н. Истомин. Две недели в Славянке. Там же, 1858, №№ 13, 15; К. С.-А. Русские раскольники, поселенные в Бакинской губернии. Там же, 1868, №№ 9—10.

⁵ И. Л. Сегаль. Русские поселения в Елисаветпольской губернии (Статистико-этнографический очерк). «Кавказ», 1890, №№ 40—43.

⁶ К. Бороздин. Переселенцы в Закавказье. «Русский вестник». 1891, т. 215; А. П. Липранди. Кавказ и Россия. Харьков. 1911; Н. Шавров. Русская колонизация на Кавказе. «Вопросы колонизации». Т. 8. СПб. 1911.

переселенческая политика стала осуществляться в общеимперском масштабе, Закавказью отводится одно из ведущих мест среди других районов Кавказа.

Как известно, более ранней колонизации было подвергнуто степное Предкавказье (начиная с конца XVI в.)⁷. Позже стали осваиваться и другие районы Кавказа. До окончательного присоединения территории Закавказья к России (1828—1829 гг.) экономическое значение отдельных его районов, например, восточного, не осознавалось достаточно ясно ни правительством, ни местной кавказской администрацией; прева-лизирующими в правительственной политике оставались военно-стратегические соображения. Однако наиболее дальновидные политики уже тогда считали вполне своевременным и экономическое освоение края. С самого начала практические мероприятия царской администрации на Кавказе проводились в русле тех задач, которые впоследствии нашли свое оформление в правительственном курсе, отводившем Закавказью роль аграрно-сырьевого придатка⁸. При этом предпочтение отдавалось отечественной колонизации, хотя в первые годы после присоединения Закавказья были предприняты определенные меры по привлечению иностранных (главным образом немецких) колонистов⁹. Еще в начале века ставился вопрос о привлечении в край русского населения и даже были сделаны некоторые шаги в этом направлении.

А. П. Ермолов, занимавший пост главнокомандующего в Грузии и возглавлявший военную и гражданскую власть на Кавказе, предложил создать постоянные штаб-квартиры и хозяйства при них на присоединенных территориях (выбор мест, естественно, определялся соображениями исключительно стратегического порядка); в штаб-квартирах должны были располагаться военные подразделения из семейных солдат. «Это было,— писал русский военный историк В. А. Потто,— нечто вроде основания для солдат полуседлого, полуказацкого быта, который только один и мог придать непреодолимую крепость русским границам»¹⁰. Возведение штаб-квартир началось с Грузии — близ Гори, в Манглисе и ряде других мест, затем — недалеко от Эривани, в Карабахе — близ Шуши, около Дербента, и, наконец, близ г. Кубы¹¹. Однако реализация проекта А. П. Ермолова не могла дать значительных результатов. Со временем военное и частично полувойенное население небольших штаб-квартир неминуемо должно было рассеяться, уехать на родину по окончании срока службы.

Автор одной из апологетических работ о колонизации Кавказа К. Бороздин склонен был связывать появление в крае переселенцев с размещением здесь отставных русских солдат, которых он называл «пионерами русской колонизации»¹². Между тем в литературе упоминается лишь одно поселение подобного типа — Хан-Кенды в Шушинском уезде. Составитель упоминавшегося уже описания русских поселений в Елисаветпольской губернии И. Л. Сегаль (в серии работ такого рода оно должно быть отнесено едва ли не к лучшим) дает следующую характеристику этому поселению: «Селение Хан-Кенды (скорее урочище) образовано из отставных солдат, а также из членов их семей, не пожелавших по отбытии срока службы вернуться на родину»¹³.

⁷ А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 18—20.

⁸ См. об этом подробнее: А. В. Фадеев. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М. 1960; З. В. Анчабадзе. Очерки экономической истории Грузии первой половины XIX века. Тбилиси. 1966. стр. 33—37.

⁹ Г. Х. Манджгаладзе. Немецкие колонисты в Закавказье (1817—1920 гг.). Автореф. канд. дисс. Тбилиси. 1970.

¹⁰ В. А. Потто. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2, вып. 4. СПб. 1886, стр. 680.

¹¹ Там же, стр. 681—682.

¹² К. Бороздин. Указ. соч., стр. 123, 135—137.

¹³ И. Л. Сегаль. Указ. соч. «Кавказ», 1890, № 40.

В 1837 г. была сделана еще одна попытка создать военные поселения в Закавказье. По распоряжению Николая I в крае (Манглисе, Елисаветполе, Цалке, Белом Ключе и Лагодехе) были образованы военные колонии. Цель их устройства заключалась в том, чтобы увеличить русское население, обеспечить безопасность границ, способствовать развитию сельского хозяйства, торговли и промышленности края¹⁴. Однако своего назначения эти колонии не выполнили и впоследствии, в 1857 г., были переведены в казенное ведомство под начало Экспедиции государственных имуществ за Кавказом¹⁵.

Начало законодательно оформленному водворению русских переселенцев на территории Закавказья было положено в 1830 г.: 20 октября последовало первое правительственное распоряжение о переселении раскольников и сектантов в так называемые Закавказские провинции¹⁶. До этого основным местом ссылки раскольников и сектантов на юге России был Новороссийский край. Таким путем правительство и официальная церковь вели борьбу с частью русского крестьянства, выступавшей нередко носителем антифеодальных настроений в дореформенной деревне¹⁷. В основном это были представители сект преимущественно духоборов, молокан, меньше — субботников, прыгунов, скопцов. Выселялись они из губерний: Тамбовской, Воронежской, Екатеринославской, Харьковской, Таврической, Астраханской, Самарской, Пензенской, Рязанской¹⁸ — словом, из тех мест, где то или иное направление религиозного сектантства получило наибольшее распространение.

Согласно указу, переселение производилось на следующих основаниях: крестьянина, признанного по суду виновным в распространении ереси и привлечении к ней других, отдавали в солдаты на службу в Кавказский корпус. Неспособных же к несению военной службы, равно как и женщин, отсылали для водворения в Закавказские провинции. Будучи мерой исключительно судебно-карательного значения, указ содержал статьи относительно правового статуса переселяемых. Определять, где размещать вновь прибывших, должна была местная администрация, учитывая как интересы заселения края, так и необходимость пресечения раскола¹⁹. Однако с самого начала местная администрация старалась всячески препятствовать устройству в крае русских переселенцев. Запретительные тенденции, возникшие в начале 30-х годов XIX в., за исключением небольших периодов, и в дальнейшем отличали политику царской администрации на Кавказе в переселенческом вопросе.

В 1832 г. главноуправляющий в Грузии и областях Закавказских и Кавказа барон Г. В. Розен обратился к министру внутренних дел по поводу устройства группы молокан из Тамбовской губернии. Запрос этот возник в связи с распоряжением, сделанным его предшественником — И. Ф. Паскевичем-Эриванским и заключавшимся в том, чтобы всех высылаемых в Закавказский край «духоборцев и прочих сектантов» селить в Карабахской провинции²⁰. Трудно сказать, почему Паскевичем был избран именно данный район. Во всяком случае, распоряжение его вызвало возражение Розена, выдвинувшего ряд соображений общего

¹⁴ «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (далее — АКАК). Т. XII, ч. II. Тифлис. 1904, стр. 1349.

¹⁵ ПСЗ (собр. 2-е). Т. 32, отд. I. СПб. 1858, № 32068.

¹⁶ ПСЗ. Т. 5, отд. I. СПб. 1831, № 4010.

¹⁷ «Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма, — писал В. И. Ленин, — а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 228).

¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 390, л. 56. Более подробно см. об этом: К. С.-А. Указ. соч.; И. Л. Сегаль. Указ. соч.; З. И. Порякиши. Указ. соч.

¹⁹ ПСЗ. Т. 5, отд. I, № 4010, пп. 1—3.

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 791, журнал заседаний, 1832, ноября 29, ст. 1958. Приложения, л. 287.

порядка о расселении в крае русских. Розен предлагал прежде всего не переселять лиц, не занимавшихся хлебопашеством, или же селить последних для «торгового промысла» в городах, где преобладает армянское население, дабы не склонять к расколу нижних воинских чинов, расквартированных в некоторых местных городах. Вообще же он считал, что следует запретить переселение раскольников и сектантов в Закавказский край, поскольку оно не принесет пользы ни государству, ни краю, «стеснит коренных жителей относительно их кочевьев и пастьб»²¹.

На основании выдвинутых Розеном соображений министр финансов Е. Ф. Канкрин следующим образом сформулировал вопросы, требующие незамедлительного решения: допускать ли раскольников в Закавказские провинции согласно закону 1830 г. или приостановить переселение, поскольку местная администрация в лице главноуправляющего признает это опасным и неудобным; если позволить переселяться, то на каких основаниях; следует ли причислять к городам для торгового промысла лиц, не занимавшихся хлебопашеством²². Предложения Розена послужили поводом для специального обсуждения вопроса «касательно поселения раскольников в Закавказских провинциях» в Комитете министров 29 ноября 1832 года. В результате было принято решение, которое всецело предоставляло главноуправляющему Закавказским краем право решать вопрос о размещении в нем переселенцев. При этом было учтено высказанное Розеном соображение по поводу расселения их в разных районах. Для тех, кого высылали в судебном порядке, администрация должна была подготовить соответствующие места, что же касается переселяющихся добровольно для «соединения со своими единомышленниками», то они должны были сами заботиться об устройстве. Лиц, не занимавшихся хлебопашеством, было признано более правильным не приписывать к городам, а размещать изолированно от местного населения, о чем им должно быть объявлено предварительно²³.

В 1837 г. законоположение 1830 г. было дополнено новым указом — «О разрешении субботникам Кавказской области переселяться в Закавказские провинции», расширившим также доступ сюда для русских переселенцев из соседних кавказских областей²⁴. Поскольку существовавший для сектантов паспортный режим ограничивал их передвижение с одного места на другое в поисках заработка, то было решено впредь не препятствовать их переездам в тех случаях, когда открывалась возможность освоения новых районов.

Местная администрация вначале предполагала поселять раскольников и сектантов отдельными деревнями вдали от городов²⁵. Затем, в связи с предоставлением им льгот в 1848 г., было признано возможным, чтобы они обосновывались также и в городах²⁶.

Временем, от которого обычно ведется «летосчисление» первых русских переселенцев на территорию Азербайджана, принято считать 1838 год, когда здесь была образована деревня Вель в Ленкоранском уезде²⁷. Однако существуют работы, в которых рядом с датой основания этой деревни указывается, что размещение русских в Азербайджане началось уже в 1834 г.²⁸ и даже в 1832 году²⁹. Более того, эти сведения

²¹ Там же, л. 290.

²² Там же, лл. 291—292.

²³ Там же, лл. 296—297.

²⁴ ПСЗ. Т. 5, отд. 2. Приложение. СПб. 1840, № 10093а.

²⁵ К. С.-А. Указ. соч.

²⁶ ПСЗ. Т. 23, отд. 2. СПб. 1849, № 22806.

²⁷ Н. Ш а в р о в. Указ. соч., стр. 138; С. Т. Гу л и ш а м б а р о в. Обзор фабрик и заводов Бакинской губернии. Тифлис. 1890, стр. 12; «Списки населенных мест Российской империи». Бакинская губерния (по сведениям с 1859 по 1864 гг.). Т. 65. Тифлис. 1870, стр. 84—85 и др.

²⁸ А. П. Л и п р а н д и. Указ. соч., стр. 136.

²⁹ К. С.-А. Указ. соч.

конкретизируются указанием мест их поселения — Шемахинский и Шушинский уезды (согласно административно-территориальному делению несколько более позднего времени). По-видимому, в данном случае речь идет о первых молоканах (40 дворов), обосновавшихся в самом начале 30-х годов XIX в. в местности Базар-чай в Зангезурском уезде. Но вследствие того, что саранча истребила весь их урожай, в 1833 г. молокане в полном составе переместились в Джебраильский уезд, основав там деревню Карабулаг³⁰. К сожалению, мы не располагаем никакими другими материалами для подтверждения сведений относительно времени появления русских на территории Шемахинского и Шушинского уездов. Но, очевидно, первые поселения раскольников и сектантов возникли в Азербайджане все же ранее 1838 года. Таким образом, начало 30-х годов можно считать крайней хронологической гранью при определении начала переселения русских в Закавказье.

По сведениям анонимного корреспондента газеты «Кавказ», расселение раскольников и сектантов в Закавказье при первоначальном их водворении там в 30-х—40-х годах XIX в. выглядело следующим образом. Наибольшее число поселений было сконцентрировано в пределах Шемахинской губернии — 19 деревень; в Тифлисской губернии их было 9 (в г. Тифлисе — 2 и Елисаветпольском уезде — 7, не считая четырех хуторов на землях кн. Орбелиани); в Эриванской губернии — 6 деревень. Всего в Закавказском крае, по данным на 1 января 1849 г., числилось русских переселенцев 3259 семей, или 19351 душа обоего пола³¹. Более конкретные данные содержатся в рапорте статс-секретаря М. П. Позена (1844 г.), основанном на сведениях, которые были представлены главноуправляющим Закавказским краем. Рапорт был озаглавлен: «О русском населении Закавказья»³². По сообщению Позена, русское население края делилось на две категории: раскольников (под ними подразумевались не только старообрядцы, но и сектанты), водворяемых сюда принудительно, по распоряжению царского правительства, или ссылаемых по судебным приговорам, и на лиц разного звания, переселившихся добровольно в разное время из внутренних губерний.

Распределялось русское население в Закавказье к 1844 г. следующим образом: раскольников и сектантов 8618 человек (6811 человек в Каспийской области и 1807 человек в Грузино-Имеретинской губернии³³), из них 4276 душ мужского пола. Прочих лиц русского населения (казенные и вольноотпущенные крестьяне, крепостные крестьяне, мещане, купцы) было 1740 душ мужского пола (Каспийская область — 1483 души мужского пола, Грузино-Имеретинская губерния — 257 душ мужского пола). В целом в Закавказском крае русских числилось 6016 душ мужского пола, что составляло около 0,8% мужского населения Закавказья, определенного местной администрацией примерно в 770 тыс. человек³⁴.

Данные рапорта Позена в целом подтверждаются материалами других документов о числе русских в Закавказском крае и по общей их численности, и по отдельным категориям. Так, согласно «Ведомости

³⁰ И. Л. Сегаль. Указ. соч.

³¹ «О русских переселенцах в Закавказском крае». «Кавказ», 1850, № 32.

³² ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 390. М. П. Позен в 1837 г. был назначен управляющим делами Комитета по устройству Закавказского края, участвовал в составлении проекта Положения об управлении Закавказским краем, в 1843 г. — управляющий VI временным отделением собственной его императорского величества канцелярии, где сосредоточивались дела по Закавказью («Русский биографический словарь». Т. 14. М.-СПб. 1905). В 1842 г. М. П. Позен был послан ревизовать Закавказский край (ЦГИА СССР, ф. 1269, оп. 1, д. 227, лл. 6, 7), следствием чего и явился указанный рапорт (ГПБ. Отдел рукописей, Г. IV, лл. 296—296 об., 298—298 об.).

³³ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 390, л. 57.

³⁴ В рапорте также сообщается о 1092 душах мужского пола русских, перешедших в Каспийскую область, но еще не учтенных при подсчете итоговых данных.

о числе и социальном составе переселенцев в Закавказье» (1844 г.), насчитывалось 1740 душ мужского пола крепостных и вольноотпущенных крестьян, купцов, мещан и т. д.³⁵ Цифры о числе переселенцев-раскольников Каспийской области (1844 г.) также свидетельствуют в пользу данных Позена — 1747 душ обоего пола³⁶. Правда, другой источник, отражающий расселение раскольников и сектантов в Каспийской области в период 1830—1844 гг., показывает цифру несколько иную — 8361 душа обоего пола. Эта цифра, во-первых, — округленная, а во-вторых, с учетом переселенцев и Грузино-Имеретинской губернии, фигурировала в записке министра государственных имуществ, которая обсуждалась на заседании Кавказского комитета 29 ноября 1845 г., где указывалось: с 1830 по 1845 г. в Закавказский край было переселено до 10 тыс. душ обоего пола³⁷.

Более полные и точные сведения, на основе которых можно выявить численность русского населения в Закавказье к середине XIX в., содержались в отчете Экспедиции государственных имуществ при главном управлении Закавказского края за 1854 год. Согласно данным отчета, русских переселенцев, размещенных в 56 селениях, было 3680 семей. По отношению ко всему населению края, находившемуся в ведомстве государственных имуществ (194 611 семей), это давало всего 1,9%. Основная масса переселенцев — это раскольники и сектанты. 3 524 семьи их размещались в 50 селениях и 297 семей в городах³⁸. Надо отметить, что эти цифры корректируются сведениями из рапорта кавказского наместника за 1851 г., согласно которому русских поселенцев, прибывших в Закавказский край из внутренних губерний России, насчитывалось 3660 семей и проживали они в 45 селениях³⁹.

Первоначально значительных переселений в Закавказье не ожидалось, и поэтому план расселения не был подготовлен. В связи с этим прибывшие оказывались в тяжелом положении. Как правило, им отводились малопригодные в климатическом, топографическом и хозяйственном отношениях земли; нередко их земельные участки оказывались либо собственностью частных лиц, либо являлись спорными. С самого начала это служило источником постоянных миграций переселенцев по территории края. Лишь после учреждения в 1846 г. Комиссии по устройству поселений делается попытка упорядочить дело размещения в крае русских⁴⁰. В связи с созданием 21 декабря 1849 г. Экспедиции государственных имуществ, непосредственно подчиненной кавказскому наместнику, комиссия эта была ликвидирована и функции ее переданы губернским и уездным управлениям государственных имуществ⁴¹. Выработанные экспедицией «Правила по водворению и устройству вновь прибывших в Закавказский край русских переселенцев» сводились к организации своевременной информации об их приезде. Поскольку лица, отправленные в Закавказье, прибывали двумя путями — через Тифлис

³⁵ «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане». Ч. II. М.-Л. 1937, стр. 271.

³⁶ Там же, стр. 272.

³⁷ АКАК. Т. X. Тифлис. 1885, док. 293, 97.

³⁸ Там же, док. 82. Эти данные, однако, не совпадают с материалами «Статистических очерков некоторых городов Кавказа и Закавказского края» (середины 50-х годов XIX в.). «Кавказский календарь» на 1852—1856 годы. Итоговые цифры о численности раскольников и сектантов не подтверждаются данными самих ведомостей. Согласно им, по Тифлисскому уезду было раскольников и сектантов 801 душа обоего пола, но не показано ни одной деревни, по Елисаветпольскому уезду — 4 124 души обоего пола и лишь 5 деревень и, наконец, по Шемахинской губернии — 6 118 душ обоего пола, сосредоточенных в 12 деревнях. По Эриванской же губернии не было учтено ни одного русского поселения («Кавказский календарь» на 1854—1856 гг.).

³⁹ ЦГВИА СССР, ф. 38, оп. 30/286, св. 855, л. 108 об.

⁴⁰ «О русских переселенцах в Закавказском крае».

⁴¹ ПСЗ. Т. 24, отд. 2. СПб. 1850. № 23753; ЦГИА АзССР, ф. 44, оп. 2. д. 20, лл. 1—1 об.

и Шемаху, то после получения экспедицией сведений от министра государственных имуществ и губернаторов внутренних губерний надлежало поставить в известность о числе отправляемых управления государственных имуществ при губернских правлениях Тифлисской и Шемахинской губерний. В случае, если крестьяне приезжали в край без предварительного извещения, они вносились в особый реестр⁴².

Сосланные в Закавказье переселенцы облагались таким же податным окладом, как и местные жители. Льгота предоставлялась лишь тем русским крестьянам, которые переселялись не в судебном, а в обычном порядке. Из 1 092 душ мужского пола, переселившихся в Каспийскую область, 1 035 была предоставлена льгота в окладе податей⁴³. Правда, трудно судить, на каком основании эти крестьяне пользовались льготой, поскольку неизвестны причины, побудившие их переселиться. Русские крестьяне в Закавказье облагались следующими податями: казенные — по 3 руб. серебром с семьи, а помещичьи — по 95 коп. с души⁴⁴.

В начале 40-х годов XIX в. предпринимаются попытки выяснить реальные возможности края с точки зрения размещения в нем переселенцев и соответственно пересмотреть правила о переселении. По инициативе министерства государственных имуществ были собраны сведения о подходящих местах для размещения русских⁴⁵. Наиболее пригодными были признаны земли, расположенные в восточной части Закавказья, в провинциях Карабахской, Ширванской, Шекинской и в Талышинском ханстве. В связи с тем, что площадь казенных земель края не была еще определена, министр государственных имуществ П. Д. Киселев предложил ограничить переселение определенным количеством семей (от 200 до 300 ежегодно) и предварительно согласовать этот вопрос с местным начальством. 14 декабря 1842 г.⁴⁶ были выработаны новые правила о переселении малоземельных государственных крестьян из внутренних губерний России, конкретизированные последующей инструкцией местной администрации от 2 мая 1843 года⁴⁷.

Однако с самого начала реализации правил 1842 г. кавказская администрация проявляет нежелание принимать очередные партии переселенцев. В частности когда в 1844 г. несколько сот молокан получило разрешение на переселение (на основании вышеуказанных правил), то возглавлявший в то время военную и гражданскую власть на Кавказе А. И. Нейдгардт решительно воспротивился и обратился к П. Д. Киселеву с просьбой приостановить переселение раскольников и сектантов в Закавказье впредь до выяснения размеров казенных земель. Вместе с тем А. И. Нейдгардт считал вполне возможным и рациональным размещать переселенцев на землях, принадлежащих частным лицам, в связи с чем он и рекомендовал П. Д. Киселеву обратить внимание на проект кн. Чавчавадзе. Но идея размещения переселенцев на помещичьих землях показалась тогда Киселеву почти невероятной и, стоя на страже интересов ведомства государственных имуществ, он категорически возражал против предложения Нейдгардта. Аргументация его заключалась в следующем: в силу существующих постановлений государственные крестьяне должны иметь земли казенные, к которым они приписываются и с которых платят в казну оброчные подати даже в том случае, если у них есть собственные, купленные земли⁴⁸.

Вопрос о размещении русских на землях местных помещиков вскоре вновь возник в связи с устройством очередной партии переселенцев

⁴² ЦГИА АЗССР, ф. 44, оп. 2, д. 20, л. 3.

⁴³ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 390, л. 56.

⁴⁴ Там же, л. 57.

⁴⁵ АКАК. Т. X, док. 95.

⁴⁶ Дополнение ко второму полному собранию законов Российской империи. Ч. I. СПб. 1855. Дополнение к 17 тому, № 16336 б.

⁴⁷ АКАК. Т. X, док. 95.

⁴⁸ Там же.

в Мегрелии. В ноябре 1845 г. в Кавказском комитете он подвергся всеобщему обсуждению. Комитет положительно отнесся к планам переселения русских крестьян в Закавказский край, так как это содействовало бы как «упрочению там русского владычества и к слиянию края с империей, так и особенно в промышленном отношении, усиливая по возможности промышленную деятельность края и распространяя разные, почти неизвестные прежде, отрасли сельского хозяйства»⁴⁹. Следует обратить внимание на высказанную кавказским наместником М. С. Воронцовым оценку позитивных последствий водворения в крае русских переселенцев. Несмотря на весьма малый срок их пребывания, стали очевидными некоторые новые черты в хозяйстве и бытовом укладе местного населения (появились извоз и извозчики, занимавшиеся перевозкой клади, плотники и другие мастера).

В связи с тем, что количество желающих переселиться в край все возрастало, а земли оставались неразмежеванными, усиливались трудности в размещении переселенцев. Опять встал вопрос о возможности расселения их на частных землях. Но, поскольку казна не могла пойти на приобретение в свою собственность пустующих частных земель, представлялось желательным устройство крестьян на условиях, которые были предложены правителем Мегрелии кн. Дадияни и сводились к тому, чтобы переселенцы, оставаясь на правах казенных крестьян, отбывали в пользу владельца определенные повинности. Аналогичный прецедент уже имел место, когда в соответствии с правилами 1842 г. «Обществу распространения за Кавказом шелководства и торговой промышленности» с согласия правительства было разрешено селить на принадлежащих ему землях молокан.

В результате ряда высказанных при обсуждении мнений и внесенных корректив Кавказский комитет принял решение, впоследствии, с 1845 г., приобретшее силу закона⁵⁰, о том, что государственным крестьянам, принадлежавшим к разного рода сектам, которые желают переселиться в Закавказский край, разрешено жить в Мегрелии на положении государственных крестьян. Поселенцам отводились земли (под усадьбу, огороды, виноградники, хлебопашество, сенокосные угодья и выгоны для пастбы скота) не свыше 10 дес. на ревизскую душу, а их повинности и льготы регламентировались. Правительство, а точнее, местные помещики довольно скоро пришли к мысли о возможности использовать в своих хозяйствах труд переселенцев. Выработанный для них статус хотя формально и оставлял их на положении государственных крестьян, но в податном и правовом отношениях ставил в зависимость от помещика. Что касается ограничений в передвижении раскольников и сектантов, то они были продиктованы стремлением не допускать распространения их влияния в крае.

Условия, определившие положение крестьян, которые размещаются на помещичьих землях в Мегрелии, свидетельствуют о том, что в отношении правительства к переселенцам уже произошли некоторые изменения. Более отчетливо они проявились к концу 40-х годов XIX в., когда на смену ограничительной политике приходит поощрительная. Правительство надеялось на то, что русские крестьяне будут способствовать упрочению позиций царизма в крае. Поэтому 9 декабря 1848 г. был издан указ «О льготе раскольников, переселяющимся в Закавказский край». Льгота от платежа податей и повинностей на 8 лет предоставлялась тем, кто переселялся не по суду, а добровольно⁵¹. Указом от 21 декабря 1849 г. раскольники, переселявшиеся добровольно в Закавказский

⁴⁹ Там же, док. 97.

⁵⁰ Дополнение ко второму полному собранию законов Российской империи. Ч. II. СПб. 1855. Дополнение к 20 тому, № 19487 а.

⁵¹ ПСЗ. Т. 23, отд. 2, № 22806.

край, были уравнены в правах с малоземельными государственными крестьянами, которые располагались в так называемых многоземельных местах. Основанием для этого послужили правила 1843 г., определившие льготный статус переселявшихся государственных крестьян: наряду с подушным наделом земли им разрешалось отводить семейные участки — от 30 до 60 дес. на семью; они на 8 лет освобождались от платежа податей и повинностей, от воинского постоя и пользовались рядом других льготно-поощрительных условий (денежная ссуда, бесплатный отпуск леса для первоначального обустройства, снабжение общественными земледельческими орудиями и т. п.)⁵².

Таким образом, переселению в Закавказский край русских крестьян, обвинявшихся в расколе и сектантстве и ранее ссылавшихся туда в судебном порядке, было придано совершенно иное значение. Расширение прав исключало их из категории людей гонимых и приравнивало к той части русского населения, которая должна была стать, по мнению царизма, его оплотом на окраинах. Об этом свидетельствовали следовавшие один за другим указы, в которых отличие раскольников и сектантов от иных категорий русского населения все больше нивелировалось. Наконец, указом от 28 мая 1858 г., разрешавшим размещать в Закавказском крае на владельческих землях не только немецких колонистов, но и всех других переселенцев, какого бы вероисповедания они ни были⁵³, правительство фактически расширило сферу действия правил 1845 г. о русских переселенцах Мегрелии, распространив их на весь Закавказский край. Этими законодательными актами завершается тот период в правительственной политике по отношению к русским переселенцам в Закавказье, начало которому было положено в 30-х годах XIX века.

Однако все перечисленные выше изменения касались лишь раскольников и сектантов. В отношении же иных категорий населения, переселявшегося на Кавказ, главным образом крестьян, правительство придерживалось сугубо ограничительных позиций. Так, отпущенным на волю крепостным крестьянам из внутренних губерний России разрешалось переселяться лишь при условии зачисления их в кавказские казачьи войска⁵⁴.

В конце 40-х годов XIX в. чиновником министерства финансов Ю. А. Гагемейстером, состоявшим при кавказском наместнике и непосредственно занимавшимся русскими переселенцами, был поднят вопрос об орошении свободных земель в восточном Закавказье с целью наилучшего устройства переселенцев. Размещение их на территории Азербайджана происходило с самого начала за счет пастбищных земель местного кочевого населения. В силу специфики форм землевладения и землепользования в кочевом хозяйстве местная администрация считала эти земли свободными и потому пригодными для колонизации. Об этом свидетельствует следующий факт, нашедший свое отражение в одном из законодательных актов о немецких колонистах. Когда в 1843 г. 70 семей вюртембергских немцев попросили разрешения поселиться в урочище Маразы, близ Шемахи, то это место было рекомендовано в качестве свободного, так как оно представляло собою пастбище кочевников⁵⁵. Занимаясь вплотную вопросами орошения безводных пространств Шемахинской губернии, в частности Ширванской степи, Ю. А. Гагемейстер предвидел те последствия, которые могли возникнуть при отводе земель кочевников для оседлого поселения. Об этом напоминали обострившиеся противоречия между местными крестьянами — кочевыми и оседлыми. «Потребность в земле,— писал Ю. А. Гагемейстер,— как для скотоводов, так и для земледельцев, производит уже частые между ними

⁵² Там же. Т. 18, отд. 1. СПб. 1844, № 16718.

⁵³ Там же. Т. 33, отд. 1. СПб. 1860, № 33213.

⁵⁴ «Свод законов Российской империи». Т. IX, кн. 1, разд. IV. 1842—1848 гг. СПб. 1872, §§ 1069, 1083.

⁵⁵ ПСЗ. Т. 17, отд. 1. СПб. 1843, № 15248.

столкновения. Недостаток ее обнаруживается всего более ныне при отыскании мест для водворения переселенцев из России. Поселение их необходимо стеснит кочующих, потому что все так называемые свободные земли Закавказья, если не бесплодны, служат для пастьбы скота»⁵⁶.

Размещение на территории Азербайджана русских переселенцев привело к появлению нового аспекта в правительственной политике в отношении местного кочевого населения. Беспокойство администрации вызывалось не только необходимостью рационально разместить в крае переселенцев с точки зрения их земельного обеспечения, но в немалой степени и взаимоотношениями последних с коренным населением. Чиновники местной администрации стали требовать введения каких-либо правил, регулирующих передвижение кочевников во время сезонных переходов с одних пастбищ на другие. Первым заговорил об этом тот же Ю. А. Гагемейстер, по распоряжению наместника в 1846 г. знакомившийся с бытом раскольников и ставший свидетелем их многочисленных жалоб на кочевников⁵⁷. Им был составлен проект особых правил и маршрутов для перехода кочевников с низменных мест в горы⁵⁸.

В это же время с аналогичным предложением выступил А. М. Фадеев, также совершивший инспекторскую поездку по центральному Закавказью — Елисаветпольскому, Шушинскому и Александропольскому уездам, где он наблюдал аналогичную картину. В своем рапорте Фадеев отметил справедливость жалоб не только оседлого, но и кочевого населения, страдавшего «от ограничения их в пользовании летними пастбищами основанием русских поселений»⁵⁹. Фадеев считал «безотлагательным упорядочивание... кочевого быта», в частности путем введения специальных правил кочевания. Он рекомендовал ряд мер, действие которых должно было иметь силу на протяжении трех лет, после чего их следовало пересмотреть. Все они носили явно ограничительный характер (например, обособленность кочевников во время передвижения от окружающего населения, строгая регламентация срока стоянок для отдыха скота, учреждение разъездов при русских селениях, плата за пастьбу скота во время вынужденных стоянок на землях русских переселенцев и т. д.).

Земли, отводимые русским переселенцам, как правило, отторгались от пастбищного фонда кочевников. Это подтвердилось при обсуждении проектов Фадеева и Гагемейстера, отданных по распоряжению кавказского наместника М. С. Воронцова на рассмотрение уездных начальников. Каждый из последних должен был «приложить» правила к местным условиям, чтобы составить наиболее приемлемые маршруты для кочевников. Многие из уездных начальников заявили о невозможности введения предлагаемых правил кочевания ввиду существовавших сложных земельных отношений, топографических трудностей и т. д.

Переселенческая политика самодержавия в дореформенный период не была однородной в разных частях Кавказа⁶⁰. Для Северного Кавказа

⁵⁶ ЦГИА АзССР, ф. 65, оп. 1, д. 6, лл. 10—11; см. также ф. 32, оп. 1, д. 270, лл. 4—6, 11—12.

⁵⁷ Там же, ф. 36, оп. 1, д. 52, лл. 68—69.

⁵⁸ Там же, л. 62.

⁵⁹ Там же, лл. 51 об., 55.

⁶⁰ К освоению Западного Кавказа — Черноморского побережья — царское правительство приступило лишь в пореформенное время, после окончания военных событий на Кавказе. Создание Черноморского округа и утверждение Положения о его заселении (1866 г.) открывало возможности для колонизации этой части территории Кавказа (главным образом районов Анапы и Новороссийска), хотя еще раньше, после утверждения Адрианопольского мирного договора (1829 г.) был создан ряд военных крепостей на так называемой Черноморской береговой линии (ПСЗ. Т. 41, отд. 1. СПб. 1868, № 43093; А. В. Верещагин. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и его результат. СПб. 1885, стр. 2). Закон 1832 г. разрешил «желающим людям свободного состояния», казакам, казенным крестьянам селиться на северо-восточном берегу Черного моря и в бухтах Сунджук-Калеской и Геленджикской (ПСЗ. Т. 7. СПб. 1833, № 5275).

(Предкавказья) была свойственна главным образом военно-казацкая колонизация и в меньшей степени — крестьянская. В дореформенный период этот район принадлежал к наиболее заселенным на Кавказе. Здесь прослеживается известная аналогия с тем, как происходило освоение Средней Азии и Казахстана на первых этапах присоединения их к России (Семиреченская область), где военно-казацкая колонизация стала сочетаться с крестьянской лишь с конца 60-х годов XIX века⁶¹. Что касается Закавказья, то освоение его осуществлялось преимущественно посредством высылки раскольников и сектантов, составлявших здесь основной контингент русских переселенцев.

В пореформенный период Кавказ (главным образом Предкавказье) становится одним из основных районов размещения крестьян из внутренних губерний России, хотя в царском законодательстве вплоть до 1881 г. не было общих правил, определявших порядок переселения. Исключение составляло «Положение» 19 февраля 1861 г., но и оно признавало право на переселение лишь за незначительной частью крестьян, которая не получила надела по реформе. В целом же, как известно, в переселенческом вопросе царское правительство по-прежнему стояло на ограничительных позициях, сохранив уголовные меры наказания не только за самовольное переселение, но даже за подготовку к нему без разрешения⁶². Тем не менее после реформы 1861 г. на территорию Предкавказья, прежде всего в Кубанскую область, устремилось большое количество крестьян, которых влекли легенды о неведомом крае⁶³, получившие широкое распространение в связи с периодическим усилением крестьянской колонизации и переселенческого движения вообще⁶⁴. Окончание военных действий на Кавказе, в свою очередь, побудило царизм к его скорейшему освоению. В «Положении о заселении предгорий Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г. эта цель была ясно сформулирована⁶⁵. Оно явилось первым законодательным актом, который в пореформенное время открыл Кавказ (правда, пока только один из его районов) для свободной крестьянской колонизации. Что касается Закавказья, то здесь по-прежнему основной контингент переселяющихся составляли раскольники и сектанты, которые приезжали с ведома и согласия правительства.

Распределение и численность русского населения Кавказского края по данным 1873 г.⁶⁶ выглядели следующим образом:

⁶¹ К. П. Тен. Указ. соч., стр. 144.

⁶² «Полный свод уголовных законов». Уложение о наказаниях. СПб.-М. 1879, ст. 947, 948.

⁶³ Л. М. Мельников. Иногородние в Кубанской области. «Кубанский сборник». Т. VI. Екатеринодар. 1900, стр. 75.

⁶⁴ К. В. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М. 1967, стр. 238; см. также описанную К. В. Чистовым легенду об Анапе (стр. 309—311).

⁶⁵ ПСЗ. Т. 37, отд. I. СПб. 1865, № 38256.

⁶⁶ Таблица составлена на основании данных камерального описания, проведенного на Кавказе в 1873 году. Цифры о русском населении извлечены из таблицы о народонаселении Кавказского края по народностям («Сборник сведений о Кавказе». Т. VII. Тифлис. 1880, стр. I—XXIX). Однако исчисления камерального описания нуждаются в специальной оговорке. По существующей традиции главное внимание уделялось исчислению дымов (единиц обложения), определение же душевого состава отходило на второй план. Составление камерального описания производилось полицейскими чинами на основании опросов крестьян (см. А. В. Парвицкий. Численный состав государственных крестьян. «Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края». Т. II. Тифлис. 1887, стр. 85). Кроме того, в камеральном описании 1873 г. женская часть населения определялась по каждому дыму, как правило, огульно, неполно отражалась численность лиц неподатных сословий, неудовлетворительно обстояло дело с учетом неприписного населения и т. п. (см. об этом пояснительную записку главного редактора Кавказского статистического комитета Н. Зейдлица — «Сборник сведений о Кавказе». Т. IV. Тифлис. 1878). Таким образом, данные описания 1873 г. следует считать заниженными. В статистике того времени украинцы и белорусы объединялись, как правило, в одну графу с русскими.

Губернии, области, округа, отделы	Все население	Русское население	Русское население по отношению ко всему (%)
Кубанская	843 247	733 007	86,9
Ставропольская	475 051	367 881	77,4
Терская	530 980	167 811	31,6
Всего на Северном Кавказе	1 849 278	1 268 699	68,6
Тифлисская	660 800	36 390	5,5
Бакинская *	540 773	18 229	3,4
Елисаветпольская	593 784	8 891	1,5
Дагестанская	481 524	4 727	1,0
Эриванская	547 693	4 525	0,8
Сухумский отдел	41 364	138	0,3
Кутаисская	570 691	1 158	0,2
Закатальский округ	68 839	-	-
Всего по Закавказью и Дагестанской обл.**	3 505 468	74 058	2,1
Черноморский округ	15 735	10 692	67,9
Итого	5 370 481	1 353 449	25,2

* В 1859 г. Шемахинская губерния была переименована в Бакинскую.

** Дагестанская область дается в границах административного деления 1860 года.

Таким образом, численность русского населения Закавказья оставалась незначительной — 2,1% по отношению ко всему его населению. Ведущее место в этом смысле занимала Тифлисская губерния, в которой русское население составляло 5,5%. В значительной степени это обуславливалось тем, что Тифлис являлся центром кавказского наместничества, где сосредоточивался весь административный аппарат, и доля русского городского населения здесь была относительно высокой.

В 1884—1885 гг. министерство государственных имуществ (к которому в 1883 г. были отнесены ведомства государственных имуществ Закавказского края) произвело обследование экономического положения государственных крестьян края в связи с предстоящим их поземельным устройством. Оно не ограничилось данными последнего по времени камерального описания (1873 г.), послужившими в качестве исходных, а дополнило их разнообразными сведениями, полученными из опросов сходов и отдельных хозяев, метрических книг, списков населенных мест, окладных листов казенных палат, списков сельских обществ и т. п. «Без всякого сомнения, — писал один из составителей материалов обследования, А. В. Парвицкий, — сведения эти отличаются превосходством... Нельзя, однако, не указать, что если... сведения и отклоняются в ту или другую сторону.., то эти отклонения заключаются в таких ограниченных пределах, которые не могут особенно подрывать должного к ним доверия»⁶⁷. Таким образом, есть возможность судить о численности и удельном весе русских государственных крестьян в губерниях Закавказского края в годы, непосредственно предшествовавшие новому этапу в переселенческой политике самодержавия.

Из пяти подвергнутых обследованию губерний Закавказского края русские крестьяне были рассредоточены в Тифлисской, Бакинской, Ели-

⁶⁷ А. В. Парвицкий. Указ. соч., стр. 87.

саветпольской и Эриванской. Всего было обследовано 80⁶⁸ русских селений (это составляло 1,9% всех сельских поселений края⁶⁹, или 7 309 дворов⁷⁰. Общее число русских крестьян — 44 531 человек — составляло лишь 2,7% всех государственных крестьян края⁷¹. Как следует из материалов обследования, в абсолютном выражении наибольшее количество русских государственных крестьян проживало в Бакинской губернии — 17 675 человек, в относительном же на первом месте по их числу стояла Тифлисская губерния (5,2%). Среди государственных крестьян — русских по происхождению — доля лиц, принадлежавших к православной церкви, была сравнительно невысока: 10 432 человека против 34 099 раскольников и сектантов⁷². Следовательно, основной контингент переселенцев по-прежнему составляли крестьяне, сосланные по обвинению в ереси. Переселенческое движение крестьян, активно охватившее в пореформенный период районы Северного Кавказа, пока еще не коснулось по-настоящему Закавказского края.

Таковы в целом итоги начального периода переселения русских на территорию Закавказского края в 30—80-х годах XIX века. Качественно новый этап наступает в 80-х годах, когда массы крестьян из внутренних губерний России, а позднее и из районов Северного Кавказа, спасавшихся от растущего малоземелья, устремились в Закавказье. Аграрное перенаселение не только внутренних губерний России, но и некоторых районов самого Кавказа (прежде всего Кубанской области и Ставропольской губернии) вынудило царское правительство законодательно открыть для переселения Северный Кавказ и Закавказье (закон от 15 апреля 1899 г.).

Первые русские поселения в Закавказье сыграли большую роль в хозяйственной, социально-экономической и политической жизни Закавказья. Выходцы из центральных районов страны слились с населением края, и их дальнейшее развитие проходило во взаимовлиянии во всех сферах жизни и деятельности.

⁶⁸ Сюда включены два селения Горийского уезда Тифлиской губернии со смешанным населением (С. П. Зелинский. Племенной состав, религия и происхождение государственных крестьян. «Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края». Т. II, стр. 4).

⁶⁹ А. В. Парвицкий. Указ. соч., стр. 110—112.

⁷⁰ С. П. Зелинский. Указ. соч., стр. 4.

⁷¹ А. В. Парвицкий. Указ. соч., стр. 187.

⁷² С. П. Зелинский. Указ. соч., стр. 58.